

18+

Дэниэлс Вайн

Холода нудистского пляжа

Дэниэлс Вайн

Холода нудистского пляжа

<https://litres.ru/74153369>

ISBN 9785007018517

Аннотация

Молодой фотограф Джероми задыхается в рутине, дешёвом алкоголе и бессонных белых ночах. Между съёмками, воспоминаниями о друзьях и странствиями по «Фокс-Ноуз» он пытается понять, где заканчивается свобода и начинается пустота. Атмосферная история о потерянной молодости, одиночестве и поиске себя среди шума большого города.

Книга содержит нецензурную брань.

Холода нудистского пляжа

Дэниэлс Вайн

© Дэниэлс Вайн, 2026

ISBN 978-5-0070-1851-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Deniels Vine

Холода
нудистского
пляжа

Я уже устал. Устал от всего происходящего.

Если в жизни каждого наступает пора, когда рутина забирает все чакры жизни, то это Да.

Моя палитра давно изуродована, а картина, которую я так страстно и старательно писал больше походит на кусок низкокачественного дерьма.

Свободно.

— Ало, Джереми? — раздаётся спокойный, но в тот же час надменный голос моего начальника. — Срочно выезжай на «Фокс-Ноуз».

Снова надо поднимать свою задницу.

— Зачем, мистер Сю? — совершенно уставше и незаинтересованно спрашиваю я.

Стояла ненавистная мною белая ночь, из-за которой я не мог уснуть. Стрелка на циферблате лениво перебралась на отметку четыре.

— В той стороне в шесть пройдёт фестиваль воздушных шаров.

— И зачем мне там быть, мистер Сю?

— Надо сделать пару снимков, желательно хороших. — Он сделал акцент на последнем слове. — За это получишь двойной оклад.

Я получал весьма удручающую зарплату, на которую едва можно выживать, но делать нечего. Если хочешь жить — умей преодолевать себя. Работать фотографом дело при-

быльное, только если ты уже сделал себе имя. А пока ты никому не нужен, ты никому не нужен. Вся эта муторная темка меня уже давно выводила из себя.

— Хорошо, мистер Сю.

— Отлично. Я всегда знал, что могу рассчитывать на тебя в любое время суток.

В свой мешок я быстро закинул всё самое необходимое: фотоаппарат «Кенон», три «Чокопая» и пять пинт мюнхенского крепкого. До «Фокс-Ноуз» добираться около сорока минут на электричке. Потому было бы неплохо успеть на поезд, приходящий в четыре сорок на платформу. С одеждой решил не заморачиваться, кому вообще нужны проблемы с ней? Напялил джинсы, футболку и рубашку, — набор, минувших девяностых — а снизу кеды «Конверс».

(Позволю себе немного описать ныне существующее. Я налил себе дешёвого портвейна, уселся за компьютер, стоящий каких-то баснословных денег, и полностью отдался воле рока. Одет я неприлично, впрочем, мой стиль оборванца мне подходит лучше всего. Не брит и не сыт. Я уже давно хочу что-то поменять в своей жизни, наверное, потому и начал эту глупую историю с того самого дня, когда я увидел то чарующее, манящее место, сверкающее разными красками, мерцающее и светящееся. Быть может, нет ничего интереснее и занимательнее, чем воспоминания о минувшем. Джереми Макколлми — Джем Малиновый — еще ни разу не был

сломлен, хоть и был сломанным. Да, а в третьем-то лице это звучит и вправду вызывающе.)

Относительно скоро я пулей вылетел из квартиры и, перепрыгивая канавы и грязевые лужи, бежал до платформы на прибывающий поезд. Билет обошелся всего лишь в тридцать рублей, что не могло не радовать. С грохотом прибыла громадина, всё время сигнала. Двери открылись и я — возможно, единственный пассажир — забрался в неё. Заняв место с краю у окошка, я бросил баул под руку и принялся тупо пялиться в окно, пытаясь уловить какой-то вайб в восходе солнца. Оно озаряло ярко-красным светом с окаймлением цвета спелого персика. Окно преломляет лучи из-за чего очень трудно долго держать взгляд. Поезд тронулся и меня покачивало из стороны в сторону, словно младенца качают в кроватке. Я прикрывал рот, пока зевал, но потом понял, что я один-одинёшенька и некого тут стесняться, поэтому все последующие разы я не удосужился проявить этикет. Я прикрыл глаза, стараясь при этом не уснуть, чтобы не уехать в неизведанные дали. Вообще, «Фокс-Ноуз» славится своими уникальными видами, которые мало где сыщешь, так что неудивительно, что там начинают свой заплыв лётчики. Была б моя воля, я бы тоже выбрался на такой марафон с кем-то из участников, ну, в крайнем случае сам. Но моя интенсивная работа требуют самоотдачи двадцать четыре на семь. Помню, как я мечтал стать тем, кем являюсь сейчас, а ныне понимаю, всё это сплошное надувательство. Разочаро-

ван, одним словом.

Вот я и прибыл на место. Хотя, конечно, я и не знал точного адреса, но достаточно быть не абсолютным кретином, чтобы понять, где оно начиналось. Огромная колонна джипов с прицепами тянулась от дороги до песчаного берега. По таким знакам судьбы я легко всё смекнул. Посчитав нужным сделать пару снимков организационного процесса, я, преодолевая затягивающие пески, дотопал до палаток, размещённых вблизи берега. В нагрудном кармане у меня всегда лежала аккредитация, которая позволяла делать многие вещи, которые обычным людям просто так не добиться. Какие-то плюсы.

Но больше всего, меня привлекло то умиротворение, что исходит от сосен, однако, которое нарушают треклятые люди. Музыка перепугала всех птиц, а едкий запах работающих моторов всех лесных обитателей. Интервью я не мог взять, ибо нужен был оператор, если я хочу сделать материал достойным. Ну, или нужен корреспондент, как не крути, сплошные проблемы.

Мне крупно повезло и я успел запечатлеть на объектив, как медленно, но верно нагревается воздушный шар, раскрашенный в синий и белые цвета. По середине была эмблема команды, которую представлял участник. Кадр получился хороший, наверное, даже шедевральный. Больше фотографировать мне не хотелось. Да и пока что незачем. Знаю я, что надо бы делать больше фотографий одного объекта,

но я единственный, кто из всех возможных кандидатов отправился сюда. У мистера Сю нет выбора.

Я уселся на бугорок, достал пиво и жадно выхлебал его до дна. Меня мучила какая-то неумолимая жажда. Солнце немного припекло, а свою соломенную шляпу, купленную на юге страны, я забыл. Полагаю, надо чуть внимательнее оперативно собираться. В заднем кармане джинс я нащупал пачку «Парламента» и тут же раскурил её. Дым кольцами парил в воздухе, жаль, что я беспощадно теряю время.

Спустя час почти все шары были готовы к старту и раздражающий меня голос организатора объявил:

— Ну что, дамы и господа, шестнадцатый ежегодный фестиваль начинается!

(В «Фокс-Ноуз» я бывал раньше вместе со своим корешем Максом. Тогда мы убегали от проблем, которые настигли друга из-за последней любви. Он был старше меня лет на двадцать, а то и больше. Мы познакомились, когда я читал стихи А. Есенина у подземного перехода, разодетый в чёрный пиджак, под который напялил бело-фиолетовую в полоску рубашку. Не сказать, что я был выдающимся чтецом, сомневаюсь даже, что хорошим. Но прежде всего это нравилось мне самому. Он подкинул мне полтинник в лежащий рядом цилиндр. А дальше мы вместе гуляли по ночному городу, обходя все кабаки.

В тот день мы взяли пинту джина, дюшес и отправились

покорять дальние земли, где никто бы нас не нашел. Целясь из пистолета времени, я попал прямо в сердцевину золотой жилы. Добирались общественным транспортом.

Это удаленное место встретило нас со всеми силами, как будто бы старалась обогатить наши души.

— Там памятное место, — заверил меня Макс, — думаю, тебе понравится. Там заключена моя молодость.

Наверное, каждому из нас уподобляется возможность спрятать в оковы то самое время, когда мы не осознаём дальнейшего. Этим самым местом было «Фокс-Ноуз».

Мы пробирались обходным путём, чтобы не платить лишние пятьсот рублей. Пришлось пройти по заржавевшему мосту, что был установлен, вероятно, в прошлом веке. Комары тоже досаждали. Но во мне торжествовал тот дух путешественника, который рад не километрам, а обстоятельствам. Словом, я тогда отвечал за провизию, ибо я молодняк, что еще совсем не видал жизни. Продолжение...)

И верёвки, держащие воздушных гигантов, стали одну за другой обрубать, как делали то палачи в средневековье. Ветра не было, поэтому их не сносило куда попало. Интересно, а на такой высоте есть ли чувство медленной смерти? Ведь там-то не ты король, а она — Природа. С её благословения ты можешь улететь в другую сторону, а может даже в другую страну. Если она захочет, она непременно игриво разобьёт тебя об скалы. Чтобы успеть сделать действительно хорошие

снимки, мне пришлось мчаться вдаль.

Когда я был уже достаточно далеко, я нацелился на абсолютно белый шар, разместив его идеально на пересечении. В визире всё кажется хорошим лишь потому, что глаз по-прежнему видит всё как есть, а не пиксели. Но в наше время жизнь — пару пикселей и бумажка. Без них тебя не существует, без них ты — никто, у которого нет ни имени, ни фамилии, ни даже личности. Я много нащёлкал, так что выбор у мистера Сю точно будет.

Ближе к полудню я выдвинулся в сторону дома. Электричку ждать я ни в какую не хотел и дождался автобуса. Пришлось ехать зайцем и надеяться, что контролёр не соизволит проверить оплаченный билет.

Сегодня вечером я должен был встретиться с Майклом — мой давнишний кореш из другого города. Обычно наши встречи начинаются с «Что? Может по пивку?» и так как портмоне у него всегда пустой мне приходится закрывать этот вопрос самому. Мне всегда нравились наши посиделки. Но не знаю, настроения совершенно не было, хотелось просто упасть на пододеяльник и накрыться сверху вторым, (самого одеяла у меня не было. Обычно я сплю на кухне. На старом диване цвета жирафа) а под голову кинуть вещи, типа джинсы, чёрно-болотный свитер размера XXL и меховую рубашку цвета завядшего лотуса. Ну, конечно же, переодеться в тёплые штаны с «Хеллоу Китти» и укутаться сверху то-

ненькой тряпкой. Но договор дороже денег, а надо.

Когда я приехал домой, пришлось сесть за ноутбук и перекачать фотографии с «Кенона», чтобы отредактировать их и скинуть. Материал надо было подготовить оперативно, так как заметка должна была выйти в свет через два дня.

Майкл пришёл к десяти, к тому времени я уже почти что всё закончил. Глаза адски болели от немого яркого экрана, а красными они были из-за недосыпа, что, в целом, не новшество для меня. Сплю я также мало, как и получаю.

— Ну че ты? — В своей манере спрашивает он, — Всё еще в работе?

— Как видишь. — Небрежно отвечаю я, — Но осталось немного.

— Это хорошо, я уж думал сегодня без пива. Кстати, где оно?

— В холодильнике на дверце. Принеси два, пожалуйста.

— Окееееей.

Я наконец-то закончил работу, потягивая пенное. Теперь можно отдохнуть.

— А у тебя что да как? Всё еще ищешь работу?

— Да всё нормально, вроде бы. — отвечает Майкл, — Не жалуюсь особо. По поводу работы тоже не беспокоюсь особо.

— Ну, понятно.

Я допил банку и понял, что хочу еще одну. Алкоголь — одно из страшнейших страстей человека. К слову, о нём. По моему на нём я очень достойно жил, даже не покупал ка-

кие-то продукты, ну, может только хлеб и колбасу. Он очень хорошо справляется с тем, чтобы удовлетворить мой желудок так, чтобы тот не урчал. Единственное, что меня действительно беспокоило, так это отсутствие какого-либо рода питомца. Я жёсть как хотел котёнка, неважно даже какого. Уличный был бы мне компаньоном и другом, ведь мы оба знали бы толк в жизни. Я бы назвал его *Уилли*. Но боюсь тогда, кто-то из нас не выжил бы. Такие же дела обстояли бы и с рыбами, крысами, змеями и ящерицами. Собаки мне не особо нравятся. Слишком привязчивая перспектива, слишком много ложных надежд, разрушающие мечту.

Двадцать лет. Двадцать! Подумать только... Казалось бы, еще вся жизнь впереди, а мы ищем способ выживать. У меня даже барбера нет, не то, что девушки.

(Лиззи была отличная девушка, но старенькая уже, во всяком случае, для меня. Она была совершеннолетняя, когда мне было лет шестнадцать. Но мы были достаточно похожими, чтобы общаться. Она была неформалом, наверное. Окрашенные в чёрный волосы, отдающие цветом сгнившего яблока на макушке, смайл, тоннели в ушах и септум. Я был далёк от этого, но понимал и принимал её выбор. Мы оба были заядлыми алкоголиками. Ах, старая добрая Лиззи! Не в это раз.. Не в этот раз!)

Так что выглядел я, как бомж, либо нищий. Но лучше я буду бомжом со светлым разумом, чем идиотом-понторезом с винирами. Коммерция мне была ненавистна, как впрочем,

и все эти заурядные корпоративные журналы. Все лишь и думают: «Деньги, деньги, деньги. Хочу больше!» А мне всё равно. Главное, чтобы хватало на выпивку и хлеб.

Я вяло сидел и витал в облаках своих мыслей, растягивающиеся перьями в самое нутро. Всё мутнело и рассеивалось.

— Так что? — Чуть прикрикивая, говорит Майкл.

Я ничего не слышал, потому не представлял о чём шла речь.

— Не знаю.

— Ну, смотри сам, как хочешь. Ты чето уставший какой-то, может пора баиньки уже?

— Да куда? — Я мельком глянул на часы. Стрелка перевалила за отметку один. — Еще же рано.

— Ахахаха ладно, но я скоро уже пойду. Не хочу тебя отвлекать.

Мы выпили еще пива. После чего я протяжно зевнул и понял, что теперь уже можно отдыхать. Завтрашний день обещает быть менее загруженным.

— Доброй ночи.

— Сладких снов.

(... Когда мы с Максом туда всё-таки дотопали, преодолевая заросли и корни деревьев, нас ждали весьма удручающая картина: Пустой пляж, где нет ни единой души, даже намёка.

— Где мы? Это точно то место? — Обеспокоенно спрашиваю я.

— Без понятия. Пойдём дальше. — Уверенно взяв инициативу в свои руки, скомандовал Макс.

Волны хлестали песок. Солнце шпарило как никогда раньше. В песке было много камней, бычков от сигарет, сонм тёмно-зелёных и коричневых осколков от бутылок, из-за чего приходилось вертихвоститься, чтобы не пораниться.

Пройдя очередной пляж, (на это указывали таблички с названиями пляжей) мы наткнулись на удручающую картину. Даже нет. Это было что-то, что вызывало тошноту, отвращение, такое ужасное зрелище трудно забыть. Хотелось, чтобы глаза выпали раз и навсегда, чтобы мозг стёр это недоумение.

— Ты это видишь...? — поблекше ужасаюсь я. — Ты же это видишь?!

— Да... — Он тоже был фраппирован от увиденного.

Женщина гигантских размеров, я бы даже колоссальных, больше напоминавшую корову, а не человека, в огромной соломенной шляпе, типа, южного американца и с круглыми солнцезащитными очками стоит прямо перед нами, повернувшись жопой к нам. Она полностью нагишом. Ничего не прикрыто, даже груди размерами с мою голову. У неё огромный живот, она беременна, полагаю, таким же бегемотом. Напротив неё стоит такой же массивный мужик, с отвратительной бородкой и толстой свиной мордой. Его фаллос еле выглядывает из-за громадных ляжек. В руках у него какой-то дешёвый фотоаппарат. Он согнул колени, чтобы сравняться с уровнем глаз толстой женщины. Вспышка, вспыш-

ка, вспышка. Я стараюсь не смотреть, Макс тоже. То, что мы ахуели — мягко сказано...)

Я проснулся с первыми лучами солнца. Всегда так рано встаю. Сегодня, к счастью, мне никуда не надо, а значит, можно прогуляться. Ну, или навестить родственников?

Смотря в запачканное зеркало, я вижу не некогда привлекательного юношу с амбициями, а потёртого, заросшего, на футболке пятно от соуса. Новые вещи? Роскошь. Как и книги.

Я выдавливаю маленькую белую горошинку зубной пасты на щётку и тщательно мою зубы. Завтрак я пропускаю, иначе я бы сидел в туалете и испражнялся.

На улице возле дома одни старики, бабки и их ручные животные, в основном, собаки. Гадят подонки. Нежный поцелуй с «Парламентом» продлится целых минут пять. Сегодня у меня настроение фланировать наедине со своими думами, кои колышутся у меня в голове, словно поле ржи под лёгким ветерком.

Я дошёл до «Легендарного падика», где прошёл мой подростковой максимализм, где не осталось ничего, что напоминало о том прошлом, которое осталось заключённым внутри. Я легко пробрался в него, прикинувшись почтальоном, разносившим письма, газеты, брошюры и прочую ересь. Притворяться я умел лучше всего, хотя даже не был актёром. Поднявшись на девятый этаж, я взошёл на лестничную пло-

щадку, а оттуда уже на крышу. Свесив ноги и небрежно болтая ими, я сидел на краю и писал в свой дневник о своём состоянии на сегодняшний день. А ещё я наблюдал за людьми, а-ля маленькими букашками, спешащие то туда, то сюда. Маленькие и никому не нужные.

Я просидел так до полудня, а потом встал и спустился во двор с ветхой детской площадкой. Почти всё было сломано и подлежало немедленному обновлению. А всем всё равно. Думаю, надо уже найти вторую работу, чтобы уходить в какой-то плюс по деньгам. Я присел на развалившуюся скамейку. От неё остался только каркас, а все доски, скорее всего, украдены. Лучше бы сегодня никуда не выходил.

(...После такого тихого ужаса мы уже ничему не удивлялись. Даже через сто метров. Там на небольшом выступе расположилась компания парней, каждому лет по двадцать пять, у всех стильные модные причёски. У них была белая палатка, кстати, довольно немалых размеров, были также шезлонги, аккуратно прикрытые полотенцами. Больше всего, конечно, поражало то, что один из них повернулся лицом к двум другими, отдыхающим на шезлонге, абсолютно голый и болтал членом прямо перед их глазами. Они тоже были без одежды. Вскоре из палатки выползла очень стройная девушка — её ягодицы упругие, живот втянут — и мужичок, которой никак не соответствовал по комплекции своей подруге.

— Что за чертовщина тут происходит? — нахмурившись, не выдерживаю я.

— Ну... — Он быстро оглядывается по сторонам, чуть засматривается на тех людей, а потом пристально смотрит в одну сторону и щурится, — Это же нудистский пляж! — Вдруг радостно заявляет Макс.

— А такое разве можно у нас?

— Ну, видимо да.

— Ладно. Но это всё очень странно, особенно та парочка жирдяев.

— Это точно.

И так мы неспешно шли вдоль берега нудистского пляжа, пытаясь не натолкнуться на причастных к нему людей...)

(Со старушкой Лиззи мы много проводили времени. Особенно часто в парках, где устраивали пикник. Но не об этом сейчас...)

(Майкл был почти что, как я. Только спокойнее и менее этажный. Его кудрявые светло-русые волосы идеально сочетались с кристально чистыми голубо-серыми глазами...)

Я вернулся домой ближе к шести вечера. Включил ноутбук, но догнав, что ничего особо интересного в нём нет, тут же выключил. На телефон мне пришло уведомление о зачислении денег. Тридцатка. Вполне недурно, значит, фотогра-

фии понравились. Поэтому мною было предпринято выйти ночью на моцион. Вероятно, долгий. А пока что можно тупо полежать на диване, повтыкать в потолок под какую-нибудь депрессивную музыку, типа «The Smashing Pumpkins».

Раньше я зарабатывал с помощью переведённых статей, но забросил эту затею и растерял всю аудиторию, когда стал штатным фотографом. А сейчас было бы неплохо получать с этого пусть и гроши, но всё же какие-никакие деньги.

Время текло, как вода. Совсем скоро всё те же отстойные часы показывали десять вечера. Самое трудное — поднять свою задницу с очень комфортного места. Сегодня мне хотелось бы побывать в центре, в максимально людной обстановке. Хочу просто посмотреть на всех этих счастливых пьяниц, что готовы отдать баснословные суммы, ради одной ночи.

В каком-то клубе идёт активная тусовка. Туда мне и надо. Музыка орёт так, что её слышно на подходе, а игра света, как маяк.

(Межвременной песок кажется беременной женщиной кладёшь алюминиевых игрушек вперемешку... Каменный ветер бьёт флуоресцирующими лучами мальчиков с лиловыми задами... Волна мерцающих фаллосов окутала тьма. Сладкий запах растянутых анусов. Мон реге, мы ведём войну против Полиции Свободы. Готовь стальные лёгкие.

Кричащие звуки регулируются стонами. Мерцающий свет протокола вечерних завсегдатаев...

Арест: Особо крупное негодяйство

Группа крови: Не имеет значение... Растворённая в гидроксиде. Липовые оттенки влажных мест.

Моча: Положительная...

Ночной свет отображает на картине негров. Никто из охраны биржи не загнутый газетный листок в развороте. Каменный жезл не чувствует прежних частот в ортопедическом кресле из внутренней стороны кожи крокодила... Возможный симбиоз вчерашней эрекции. Дневная норма преувеличена за счёт скулящих мальчиков.

По карте я легко найду обитателей. Buenos dias! Круглая музыка проникает прямо в сердце и отбивает чёткий ритм хлюп-бум-хлюп. Энергетическая сфера лакримозно блокирует время... Международное женщины воняют перегаром и потом. О, Барбара! Готовьте зажаренные во фритюре... Столовый официант нагишом отдаёт виски-колу...

(Ночь сменяется бессонницей. Азарт и агония. Я всё еще тусуюсь где-то в центре. Оказывается раздобыть джанк гораздо легче, чем запрещённые книги. Меня тошнит, но домой я не могу попасть, так как метро закрыто)

Нон-стоп. Меняя диспозицию, глаза вываливаются из орбит, создавая воздушное пространство. Пинта пива, как прохладительный гель для душа. Толпа нетрезвых красножо-

пых нападают на одичавших прусских охранников... Конец февральской революции заключен в мартовском фестивале безликих... Песочные часы упали навзничь, пробив голову офицера. Комнатные растения перестают фотосинтезировать в «Кольт» мсье, сидящего за пятым столом. Чёрная вуаль траурного запаха смердит на весь город. Никто не ошибается трижды в русскую рулетку.

Однажды: Древесный запах горящий белый фосфор вне голубого времени. Минорный выстрел... Шоколадная стена плач по-английски рушится, а висок игрока не тронут, словно он Не Президент Америки.

Дважды: Искрятся светящиеся майские муки сверлят портрет единственного комика в семье. Запрещено.

Третий: Не состоялся, пробив рубцирующиеся плазменные останки.

— Adios! — Кричит парагваец в бежевом кимоно, скрывающее кожу цвета какао... Носок на пенисовидной загагулине.

Изумлённый сухой звук без передачи взяток... Кровоизлияние эмоций первой степени заполняет душное пространство перед узниками. Ложный нервный срыв в котловане тяжких депрессивных ситуаций. Упав в бездну, я обнаружил выдру, издающую истошные стоны. Мат, amigos, издавна зрелая сила Белых. На кону патрон минуты... Время не промокнуть!...)

Господи... (хотя Господа тут, конечно же, нет) наконец-то это закончилось. Мне стало гораздо легче на свежем воздухе среди двухэтажных домиков. Пять утра и я медленно иду в сторону метро, курю себе вдоволь. Фонари работают во всю и, казалось бы, освещают мне путь, однако с этим неплохо справляется белая ночь. Подозрительно болит стопа, видимо растянул связку. Ко мне подходит какой-то мужик и просит сигарету. Я не могу ему отказать в такой незначительной просьбе, тем более, здоровее буду, на одну сигарету, но здоровее.

— Спасибо большое, милоч. Ты хороший человек, удачи тебе.

— Взаимно.

Красиво выглядит центральная улица, настолько неотразимо, насколько плохо выглядят остальные улочки. Такое я не могу пропустить мимо, потому сразу же достаю мыльницу «Сони», которая у меня всегда с собой независимо от обстоятельств, как впрочем, и томик И. Бродского. Пока я ковылял навстречу мне вышел представитель правоохранительных органов.

— Здравствуйте, молодой человек.

— Здравствуйте, здравствуйте.

— Документики покажем же?

— Документики покажем же.

Он смотрит в мой паспорт и убедившись, что я не подросток возвращает его мне. Видно, как он раздосадован таки-

ми обстоятельствами. Не получит премию, наверное.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

И мы разминулись в разные стороны. Дальше, вроде бы, было без приключений. Только кони, пристёгнутые к карете, пробегали рядом по дороге.

Я зашёл в метрополитен и сел в поезд. Ехать мне без пересадок, так что можно и поспать немного.

— Молодой человек, это конечная! — Орёт мне в ухо какая-то дама средних лет. — Вы-хо-ди-те!

— Да-да, хорошо. Иду. — немного испуганно огрызнулся я

Я проспал мою станцию, но не беда. Она предпоследняя.

И вот я дома. Милый, неуютный дом... Сейчас лягу на диван и укутаюсь чем попало, а с утра снова за работу. Мистер Сю стопудово уже приготовил очередное задание.

Проснулся я около двенадцати с трещащей головой и грязными волосами. Никто меня не беспокоил. Я и не против, так как сейчас я абсолютно не в ресурсе. Надо быстро одеваться и мчать на всех порах в штаб-квартиру, иначе вылечу вперёд ногами. Быстро сполоснув голову, я напялил официально-деловой костюм и туфли с красным пятном на чуть закруглённом носике. Как оказалось входную дверь я не удосужился даже закрыть, но благо защёлкнул входную же-

лезную дверь. Иногда приходится так страдать, чтобы быть, в конце концов, счастливым. Солнце, ослепляющим ударом луча, вонзилось в глаза. Лёгкий ветерок обдувал, благодаря чему не было так душно и противно. Вообще, лето действительно не мой сезон, жара сводит меня с ума. Не знаю откуда это пошло. Мама и папа всегда любили загорать, когда мы улетали на отпуск, а я прятался под тенью зонтов или сидел под мостом, слушая рёв бьющегося об волнорез всплеска воды. Но мне слишком нравилось, даже чересчур. В этот раз я не забыл свою шляпу, а-ка панаму и солнцезащитные очки. Я облизываю фильтр «Парламента» и подношу пламя к другой части сигареты. Удивительная романтика. Вообще, стоило бы хоть раз подумать о том, что я слишком много курю, но как-нибудь в другой раз.

— Здравствуйте, мистер Сю! — радостно приветствую я его, пока внутри меня бурлит отвращение.

— Здравствуй, дорогой. — Он даже не посмотрел в мою сторону, всё сидит в рабочем компьютере и клацает по беспроводной мышке.

Я немного смутился.

— Ого, прямо-таки дорогой?

— Да. А знаешь почему?

— Почему же?

Он издевательски смотрит на меня, его глаза выглядывают из-под квадратных очков.

— Потому что ты нам обходишься весьма не бесплатно.

— Но я же...

— Тише, тише, тише. — Перебивает он меня, — Мы тебе платим достаточно много, чтобы, — он облизнул противные жиры не губы, — получать хорошие фотографии.

— Но...

Он жестом показывает мне заткнуться.

— И я хочу получать действительно отличный материал. То, что ты нафоткал — полный кал!

— Так я единственный, кто отозв...

— МОЛЧАТЬ! — Он сильно бьёт по столу кулаком. — Тебе бы следовало соблюдать субординацию и не перебивать старших, особенно, если старший по совместительству твой начальник.

— Ага, хорошо. — язвлю я.

— Так вот. Ты теперь понижаешься в иерархии и... — Мистер Сю поднимает лист, на котором нарисована кривая схема и проводит пальцем от начала до предпоследней ячейки, по которой три раза стучит, — Ты теперь ассистент нового фотографа. Завтра вы вдвоём отправляетесь на открытие нового объекта и делаете КАЧЕСТВЕННЫЙ, — он как всегда ставит неуклюжий акцент, — материал. Ясно?

— Ясно. А я зачем нужен?

— Ну как зачем, дорогой. А кто же все эти приблуды толкать будет?

— Понятно. — С ярко выраженной досадой подытоживаю

я.

«Вот дрянь старая! -Думаю я, — Плешивый пень.»

Темя у него было абсолютно лысым, отражающим солнечных зайчиков, и лишь местами виднелся хоть какой-то островок растительности.

«Да тебе ж никто не даст. Интересно, а жена его (такая же скотина) действительно его любит?»

— До свидания, Мистер Сю.

— До свидания, дорогой Джер.

Я вышел из злосчастного офиса. И снова закурил. Колечки дыма плавно летели вверх и исчезали, словно джин.

(... Пока не вышли на «тот самый» пляж.

— Мы пришли! — Восторженно заявляет Макс.

— Урааа!!!

Там оказалось вполне недурно. На маленькой сцене у самого стыка песка и травы выступали какие-то неизвестные музыканты. Строение было простое: каркас из покрашенных в белый досок и натянутый разноцветный тент, на котором красуются лотосы. Рядом барная стойка, которой заправляет парень в гавайской рубашке. А вокруг... Вокруг очень много людей, как женщин, так и мужчин, иногда даже сладких пар, постеливших себе под задницы плед или полотенце. Все они веселиться или наслаждаются этой атмосферой. Бесчисленное количество окурков, выглядывающих из песка, словно

иголки.

— Это так круто!! — Восторженно говорю я.

— Да, здесь много чего было...

— А что было?

— Нууу... — Макс отвел взгляд куда-то в морскую даль,
— Знаешь, «Фокс-Ноуз» такое место, где никогда не бывает чего-то одного. Но для меня оно запомнилось тем, что я остался один, брошенным без машины, потому что девушка уехала на ней вместе с моим братом. Пришлось ночевать тут, под открытым небом, на песке. И это лишь одно из того, что было.

— Емаё... А почему она так сделала? Это же вообще выходит за рамки адекватности.

— Накидалась и всё. — Сказал он, едва улыбнувшись.

Я промолчал, так как мне было нечего сказать.

— Ну ладно, думаю, самое время открыть джин и загулять.

— Думаю, ты чертовски прав...)

Я был озлоблен таким известиям настолько, что мне хотелось просто зарыться, пропасть, исчезнуть. Надо было точно искать новую работу, неважно уже какую. Не хочу больше видеть этого старого козла и кретина. Сам он ничего толкового не делает. Только и может прикрываться старыми заслугами, но на них же далеко не уедешь, тем паче, если ты творишь вакханалию в самых обыденных вещах. Наверное,

я был бы отличным барменом, а может журналистом, а может вовсе кассиром. Надо пробовать себя.

Вернувшись поздно домой, я застал Майкла у себя в квартире (я выдал ему ключи на тот случай, если что-то случится или, скажем, я усну перед тем, как он придёт).

— Я снова не закрыл дверь? — интересуюсь я в абсолютном эмоциональном минусе.

— Что? В плане?

— Да забей. Уснул сегодня и не закрыл дверь.

— Ааа... Ахахаха.

— Да я вообще... Устал.

— У тебя случаем не будет сигаретки?

— Будет. — Из нагрудного кармана я вытаскиваю пачку и вручаю ему.

— Ооо.. Спасибо. Чего интересного расскажешь?

— Да ничего. Думаю уволиться.

— Ого. А чего так?

— Да заебался я... — Угрюмо и вяло отвечаю я. — Сегодня понизили в статусе. Теперь, видите ли, ассистент у какого-то мудака. Слушай, а у ты случайно не купил пива?

— Купил. Стоит на том же месте, где обычно.

— Ты мой спаситель! Пииииииивоооо!!! — Протягиваю я, пока тянусь за ним.

— Хах.

Я открыл жестяную банку и залпом влил в себя хмельное. Лёгкий холодок пощекотал передние резцы. Пить мне очень

нравится, особенно после тяжелых событий.

— Я вот думаю, — обратился я к Майклу, — может, снова переводить иностранные статьи? Хотя бы какой-то шарм. Да и начальника не будет.

— Попробуй, почему бы и нет.

Ничего нового не случилось. Мы как всегда посидели у меня, выпили пива и перекусили хлебными хот-догами с американским бургер соусом. К одиннадцати вечера мы вышли на променад. Вернее, я провожал его до дома, покуривая сигарету одну за другой. (Мы жили рядом. Нас разделял однотипный дворик.)

— А что такое счастье? — Резко, как бы, совсем отвлеченно от всех предыдущих речей начинает дискуссию Майкл.

— Хмм... Ну, смотри, — я пнул бычок куда-то в сторону. Возможно, я попал в люк, — На мой скромный взгляд, это что-то такое, что нельзя загонять в рамки точного и единственного понятия. Оно субъективно, как и правда. Другое дело истина! Истина объективна и не поддается человеческому оцениванию.

— Тогда... Бывает ли человек счастлив?

— А как же! Конечно бывает! Только счастлив он по-своему.

— То есть, тогда бывает и несчастье?

— Не совсем. Я считаю, что несчастья не бывает. Несчастье — это, когда человек не воспринимает счастье. Навер-

ное, даже драматизирует излишне. Знаешь же, ведь это как с отсутствием тепла. По сути, холода не существует. Но опять-таки... — Я потянулся за новой сигаретой. Их осталось четыре штуки, — человек же тоже по-разному воспринимает отсутствие тепла, да?

Он ничего не ответил и уже готовил новый вопрос.

— А что такое хорошо?

— Хорошо из того же разряда.

— То есть тогда счастье и что-то хорошее ничем не различаются?

— Нет! Ну нет же! Ты забываешь об одной важной составляющей. О времени. Если счастье это пик, это апогей, положим, как Большой Взрыв, то хорошее это нечто стабильно длительное.

— Ну, типа, счастье это оргазм?

— Нуууу, выражаясь... Какими...? Фрейдовскими что ли понятиями, да хахаха

Незаметно для нас самих, мы дошли до парадной, что означало расход, небольшое расставание перед встречей впереди.

— Короче, это субъективное восприятие жизни на объективную прогрессию?

— Ну, можно и так наверное, ахахаха... — Я выкинул очередную выкуренную сигарету, — Если прям уж СОВСЕМ умными словами.

(... Джин вливается в бумажные стаканчики и дюшес аккуратно маскирует тяжёлый запах спирта. Я сижу по-турецки на холодном песке позади всех, пока Макс уходит в какие-то дальние кусты, чтобы отлить.

Солнце уже садилось за лазурную гладь и мерцающие красные лучи легли на воду. Я подношу стаканчик ко рту и чуть отхлёбываю наш импро-коктейль. Очень сладкий. Слева от меня молодая парочка страстно сосётся, обнимая друг друга всё крепче и крепче. Кто-то выплясывает танго. Он вообще не попадает в такт музыки. Словом, исполняли всякие латинские песни, о существовании которых я даже не догадывался, а позже дело дошло и до рока (Совершенно не знаю каким образом).

Наконец-то Макс идёт в мою сторону.

— Ну что? Выпьем? — Поднимаю я.

— Конечно, дружок. За тебя!

— И за тебя в том числе!

Маленькие капельки джина вылетели за пределы бумажной тары. Они так ярко сверкали, что больше напоминали росу на листе клевера после грибного дождя, росу, которая ярко сверкает из-за палящих лучей света.

— Как здесь замечаааательно... — Протяжно ликую я, — Спасибо тебе большое, Макс...

— Да было бы за что, Друг.

— Есть за что, поверь, есть.

Он расплылся в улыбке...)

(-Джем, ты пойдёшь со мной и Марго на шашлык? — Во всю голосит Лиззи по телефону, — Можешь взять с собой друга.

— Думаю, да, будет весело.

— Отлично, тогда в одиннадцать у метро.

Я сразу же звоню Майклу, так как знаю, что он меня не бросит и то, что ему ужасно нравится Марго. А что? Майкл и Марго. Они чем-то походят друг на друга. Например, оба носят очки и любят анатомию.

— Алё. Ты не хочешь на шашлыки?

— С кем?

— Со мной, Лиззи и Марго.

— Дай-ка подумать. Да, почему бы и нет.

— Отлично! В одиннадцать у метро.

Я принял душ, намылил тело гелем со вкусом фисташек и йогурта и приоделся. Возможно, в шестидесятых годах я был бы сутенёром-стилягой, но, увы, в каком веке живу...

Встретились мы около автобусной остановки в пятнадцати минутах от метро. С собой я взял дешёвый блейзер, чтобы чуть расслабить нервы ещё до встречи с двумя девушками. Кстати, «На шашлыки» означало, что мы будем пьянствовать, как сумасшедшие и, как будто в последний раз.

К пол двенадцатому мы все встретились. Точнее, мы обнаружили наших блудных девиц, к которым пристали промоутеры.

— А чего тут происходит? — Недоумевающе спрашиваю я у Марго.

— Кредитную карту вот оформляем.

— А зачем?

— Нас попросили.

В итоге мы проторчали до двенадцати...)

Пока я шёл обратно, докурил пачку. Мне понравилось то, как разлетелся огонёк, ударившись о сухую землю. Он, словно фейерверк разлетелся на маленькие искорки. Есть же в этом какая-то романтика.

Дома я всё также уселся на диван, включил ноутбук и стал искать объявления. Нет, просто хорошие люди не ценятся на работе, даже если они в свою очередь обучаться всему на месте. «Такова жизнь, браток!» — эхом отдаются слова Макса. Я его не видел уже тысячу лет. Не знаю, жив ли он вообще, как он там вообще, чем занимается и как у него дела с той мадмуазель. Надеюсь, всё хорошо.

Сейчас два часа ночи, а я всё еще не сомкнул глаз. Иногда мне кажется, что такими темпами у меня появится шизофрения или еще какое отклонение. Я достаю банку прохладного пива и в этот раз смакую её. Завтра мне надо таскать ненужный хлам ради «КАЧЕСТВЕННОГО» снимка, но ведь так пропадёт всё людское в фотографии. Если она будет идеальной, почти что, как ИИ-шная, то какой прок от работы? Прежде ж всего надо, чтобы чувствовали атмосферу, кото-

рую передаёт фото, а не чопорную документальность во всём этом «умном» мире. Ну, а впрочем, ладно, впрочем... Как-нибудь само всё придёт к этому. Надо только подождать. Ставлю будильник на шесть и потихоньку засыпаю.

Утро выдалось тяжёлым. Этот ужасный рингтон, более подходящий на скрежетание, вынудит проснуться любого, даже самого сонного человека, да что уж говорить! Даже мёртвого на ноги поставит. К тому же, с утра у меня прихватило живот и был жидкий стул. Как же он болел... Вероятно, из-за диеты. Как на зло, туалетная бумага кончилась и пришлось подтираться жёскими газетными листами. Забавно, что выпуск был связан с политикой.

Спустя треть часа неумолимых поднотуживаний я смог встать с туалета. Стало легче. Полагаю, невозможно описать превосходное чувство той лёгкости внутри, когда живот успокаивается. По такому случаю я решил побриться, ну, в целом, привести себя в порядок.

И вот я снова разрезаю улицу и бегу к метро на работу. Прикладываю «Подорожник» и еду на открытие.

Мой «старший» фотограф выглядел, как настоящий маргинал. Худое тельце, выраженные скулы, милированные в пепельный цвет волосы, зализанные назад. Короче, с внешним видом у него был полный пролёт. Если такого и подцепит какая-нибудь девушка, то, скорее всего, эти отношения не дойдут и до постели.

— О, это ты Джереми Макколми? — Гнусно и лицемерно спрашивает он, кривя уж очень вычурную улыбку.

— Да, это я.

— Что ж, думаю Мистер Сю поставил тебя уже в известность, не так ли?

— Ага. — Огрызаюсь я.

— Так вот, я — Эрест Айтельман.

«Мной что, управляет вонючий жид? Ну и finita la commedia. Может, эта старая козлина Сю найдёт и негра?»

— Да-да, очень здорово. — Не успокаиваюсь я.

— А ты, я смотрю, дофига дерзкий?

— Достаточно, чтобы не вылизывать кому-то очко.

— Ну-ну, это мы еще посмотрим. Вон, видишь мой фургон? — Костлявым пальцем он показывает на припаркованную в ста метрах машину, — Принеси мне штатив и рисующее освещение. Желательно, поскорее. Ты же не хочешь быть уволенным? Насколько мне известно, это твоя единственная работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.